

*Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации
Делегация Европейского Союза в Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Национальный парк «Кенозерский»
Фонд «Поддержка памятников деревянного зодчества»
Некоммерческий фонд поддержки культуры, науки, образования
и здравоохранения «Вольное дело»*

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2011

Человек и среда: гармония и противоречия

Сборник материалов
V Всероссийской научно-практической конференции

Архангельск
2012

И.И. Муллонен, Е.В. Захарова
(г. Петрозаводск)

Многослойная топонимия Кенозерья*

Топонимия Кенозерья собиралась в 60-х годах XX века Топонимической экспедицией Уральского федерального университета (Екатеринбург), экспедиционные материалы были позднее проанализированы А. К. Матвеевым в работе «Субстратная топонимия Русского Севера» в главе, посвященной Кенозеру¹. В 80-х годах прошлого столетия сбор кенозерской топонимии был продолжен студентами Архангельского государственного педагогического института (Архангельск) под руководством Дерягина В.Я. и Дерягиной З.С., полевые материалы легли в основу «Методических разработок для студентов пединститутов и учителей школ по теме: «Топонимика Кенозера»².

Основными источниками материала для настоящей работы являются полевые материалы экспедиции Института языка и литературы КарНЦ РАН, которая состоялась на Кенозере в 2008 году. Использованы также данные картотеки Топонимической экспедиции УрФУ (Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина). Привлекались и некоторые картографические источники.

Анализ топонимического материала Кенозерья позволяет говорить о том, что географические названия нерусского происхождения достаточно широко представлены на исследуемой территории и присутствуют во всех слоях топонимии – от более древней и устойчивой во времени гидронимии (в названиях озер, рек, заливов и т. д.) до более молодой и подвижной микротопонимии (в названиях деревень, сельскохозяйственных угодий и пр.), что свидетельствует косвенным образом о значительном вкладе прибалтийско-финского (вепсско-карельского) населения в культуру региона.

Географические названия с нерусскими истоками на территории Кенозерья (как и субстратная топонимия Русского Севера в целом) представлены следующими структурными типами топонимов: собственно субстратные топонимы с субстратными основой и формантами (**Кена, Киндеша, Порма, Поча, Чаженга** и др.); топонимы с субстратной основой и русским аффиксом или аффиксами (**Нойдово озеро, Мяндово болото, Чережишиный ручей** и др.); топонимы-полукальки с субстратной основой и русским географическим термином-детерминантом (**Варнаволок, Вахкамох, Венегора, Койкручей, Нотозеро** и др.). Последняя группа кенозерских субстратных топонимов наиболее многочисленна. Названия этого типа возникли в результате адаптации прибалтийско-финских оригинальных топонимов, сложных

по структуре, к русскому употреблению: *Nuotta/järvi > Нотозеро. Основной компонент сложного топонима, выраженный географическим термином, переводился соответствующим русским словом, в то время как атрибутивный элемент сохранялся в первоначальном виде. Кроме того, здесь присутствует целый ряд топонимов-полукальек, в которых в качестве основного элемента выступает диалектная лексема, заимствованная из прибалтийско-финского источника: -пахта ‘болото’ (*Валгапахта, Гойпахта*); -лахта ‘залив’ (*Габлахта, Куклахта, Периллахта*); -селга/-сельга, -челга, -шелга ‘возвышенность, грязь’ (*Габчелга, Еньшелга, Куршелга, Масельга*). Здесь же обнаружено несколько топонимов, образованных по данному типу уже на русской почве: ручей **Бабручей**, залив **Глухолахта** и озеро **Митъкозеро**, что говорит о популярности представленной модели в топонимии Кенозерья.

В кенозерской топонимии выявляется четкий саамский пласт названий, свидетельствующий о саамском прошлом территории. Названия саамского происхождения привязаны к относительно крупным, значимым с точки зрения ландшафтной характеристики объектам, прежде всего, водным. В специальной литературе неоднократно фигурируют известные в Кенозерье саамские топоосновы **челм-** (саам. čoal'bme ‘пролив’³): **Челма**, пролив между оз. Святое и оз. Долгое; **Челма**, бывшая деревня; **нююч-** (саам. pjuhčč ‘лебедь’): **Нюхпача**, залив; **Нюхручей**, ручей; **Нюхчозеро**, озеро. На Кенозере и некоторых озерах в Пудожье неоднократно встречается топоним **Нюра**, называющий низкие заливные острова, поросшие травой: **Нюра, Нюрица, Нюро, Нюры, Нера**: саам. pjuogtā, nýigt ‘подводный камень; мель’. Слово было в свое время усвоено в русские говоры Кенозерья и Заонежья, где закрепилось в виде нюра ‘подводная мель’⁴.

Ниже приведены саамские этимологии некоторых кенозерских топонимов, не становившихся до сих пор предметом специального анализа.

Название озера **Святое** традиционно принято связывать с наименованием впадающей в него реки **Почи** и объяснять его как результат перевода карельского роčči ‘свинья, поросенок’ на русский язык. Причину появления названия принято связывать с тем, что на берегах озера водились лесные свиньи – кабаны⁵. Последнее – типичная народная этимология, т. е. попытка объяснить ставшее непонятным название. На самом деле истоки топонима глубже, чем карельское время. Озеро Святое представляет собой самый дальний северный конец системы озер Кенозеро – Долгое – Святое (со стороны главной водной артерии края реки Кены), что и отмечалось некогда саамской топоосновой boaš'šo, poašš с первоначальным значением ‘зад, задний угол’. Такая модель названия хорошо известна в топонимии Карелии и сопредельных областей, где данная саамская топооснова в виде Пожа-, Подъжа-, Поча- часто используется в наименованиях больших озерных заливов⁶. Очевидно, логично полагать, что озеро Святое называлось в саамское время *Почезером (т. е. задним, кочечным озером), по озеру получила свое название и впадающая в озеро река. Позднее, в период карельской истории края в языковом сознании карелов саамская топооснова была осмыслена по-новому и сближена с карельским словом роčči ‘свинья’.

© Муллонен И.И., Захарова Е.В., 2012

*Статья подготовлена в рамках выполнения проекта «Создание ГИС «Электронная картотека топонимов Восточного Обонежья» (грант РГНФ №12-04-12009).

нья⁷, которое затем было переведено на русский язык уже на русском этапе истории края.

Этимология подтверждается и бытованием в архангельских русских говорах географического термина пocha, потча ‘речной или озерный залив’⁸, воспринятого из субстратного источника.

Небольшое озеро **Купецкое** на западном берегу Кенозера за деревней Тарасово ведет свое происхождение от саамского киорса ‘кислый, гнилой’. Видимо, так характеризовалась особенность озера с жидкими берегами, заросшими травой. Информанты отмечают, что в отличие от соседнего озера Мошного, берега которого моховые и с них можно удить, в Купецком нельзя удить с берега.

Мошкозеро, озеро, из которого вытекает ручей **Мошкучей** в Кенозеро. Для названий можно предложить саамскую интерпретацию, связанную со словом *mos'ki* ‘непроходимый насквозь, замкнутый (например, об озере, не имеющем сквозного прохода)’ или его производным *moska*, *moskas* ‘глухой, непроходимый лес’. Возможно, в названии заключена идея о том, что из Мошкозера нет дальше водного пути, что оно является непроточным.

Значительное количество водных объектов с названиями, допускающими саамскую этимологию, сосредоточено за северными пределами территории Кенозерского парка. Отметим из них некоторые: **Торосозеро** (саам. *doares* ‘поперек, поперечный’, с мотивировкой ‘расположенный поперек течения реки’), р. **Ельма** (прасаам. **ele* ‘верхний’, **elema*- ‘самый верхний’, имеется в виду верхний участок реки Кармы), **Янгозеро** (прасаам. **jeŋke* ‘болото’), **Пышозеро** (от саамского слова со значением ‘святой’), р. **Вононга**, в основе которого возможно реконструировать саамское слово **enä* с семантикой ‘большой’, подвергшееся русской фонетической адаптации, и др.

При этом, анализируя древнюю топонимию, надо иметь в виду следующее: то, что принято традиционно называть в исследовании субстратной топонимии Русского Севера саамской топонимией, в действительности может иметь и другую интерпретацию. Дело в том, что подавляющее большинство саамских топооснов, используемых в топонимии на территории Русского Севера, имеет соответствия в прибалтийско-финских языках, исходя из чего, можно заключить, что, в действительности, тот этнос, который оставил в Кенозерье топонимию саамского типа, мог быть не сугубо саамским, но представлять собой образование прибалтийско-финско-саамского типа. Последнее могло образоваться в ходе распада единой саамско-финской языковой общности. Неслучайно к этимологии этих топонимов нередко удобнее подходить не с позиций современного саамского языка, а используя языковую реконструкцию, т. е. более раннее, предшествующее современному, языковое состояние. Идея о присутствии на Русском Севере особого прасаамского или прибалтийско-финско-саамского этноса неоднократно высказывалась в специальной литературе А.К. Матвеевым, И. Муллонен, Я. Саарикиви, последним по времени является мнение Е. Хелимского, который предполагает существование на территории Архангельской области специфической северо-западной группы финно-угор-

ских языков⁹. Именно с этих позиций он интерпретирует, в частности, название озера **Кенозера**, для объяснения которого использует известное в финских говорах слово *keno* ‘кривой, изогнутый’ (т.е. Кенозеро – кривое озеро). Это не значит, что топоним имеет финское происхождение. В финском языке сохранилось древнее финно-угорское слово, которое когда-то было известно древним наследникам Кенозерья, говорившем на северо-западном финно-угорском языке (родственным современному саамскому и прибалтийско-финским языкам)¹⁰. Оставаясь в рамках выдвинутой гипотезы, Е. Хелимский предлагает также этимологию для названия реки **Ундоши**, в основе которого он реконструирует северо-западный финно-угорский термин **onto* ‘поток, течение’ (т. е. Ундоша – большая река).

Гипотеза о бытовании на Русском Севере особой группы финно-угорских языков, родственных саамскому и прибалтийско-финскому, требует дальнейшей разработки. Возможно, топонимический материал Кенозерья позволит в дальнейшем выскаться более определенно в пользу либо собственно саамского, либо особого пра-прибалтийско-финско-саамского прошлого территории.

Несомненно, присутствие в Кенозерье собственно прибалтийско-финского (карельского) пласта топонимии, относящегося к более позднему времени и сформировавшегося в ходе карельского продвижения на восток в XVI–XVII веках из попавшего под власть Швеции в 1617 году Карельского уезда.

Многие топонимы сохраняют четкие карельские маркеры, позволяющие отличать карельскую топонимию, например, от вепсской или более ранней финно-угорской. Среди таких маркеров присутствие шипящих согласных: **Шалмозеро** и **Шалмучей** в западном Кенозерье (карел. *šalmi* – вепс. *salm* ‘пролив’¹¹), наличие удвоенных согласных: **Леппозеро** в том же западном Кенозерье (карел. *leppä* – вепс. *lep* ‘ольха’), сохранение звука *h*, который при усвоении в русское употребление вепсских названий обычно переходит в *g*, ср. руч. **Хирбуй** (карел. *hirvi* ‘лось’), остров **Хийостров** на Унзоре (карел. *hiisi*: в косвенных падежах *hiije*- ‘леший, черт’, ‘перелесок; отдаленное, глухое, наводящее страх место’¹²), впрочем, здесь, видимо, сохранилось первоначальное значение слова ‘священная роща, место поклонения предкам’, которое постепенно под влиянием христианства сменилось на современное. Соответствующая вепсская топооснова усваивалась обычно в виде Гиж- (Гижостров, Гижнаволок и т.д. в Пудожье).

Однако в целом ряде случаев развести вепсскую и карельскую по происхождению топонимию в Кенозерье не удается в силу значительной близости этих родственных языков: Венегора, Венеручей (карел. *veneh*, вепс. *veñeh* ‘лодка’); Габлахта, Габозеро (карел. *hoaara*, вепс. *hab* ‘осина’); Кивозеро (карел., вепс. *kivi* ‘камень’); Гойпахта, Койкозеро, Койкучей (карел. *hoikka*, вепс. *hoik* ‘тонкий, узкий’); Маймозеро (карел. *maima*, вепс. *mait* ‘малек, наживка’); Мяндово болото, Мяндозеро, Мяндомох, Мяндучей (карел. *mänty*, вепс. *mänd* ‘мяндовая сосна; сосняк на болоте’); Падозеро (карел. *pato*, вепс. *pado* ‘плотина, запруда’); Пихозеро, Пихкучей (карел. *pihka*, вепс. *pihk* ‘смола хвойного дерева; густое мелколесье, молодой хвойный лес’); Хер-

гозеро (карел. *häärä*, вепс. *härg* ‘бык’) и др. Можно полагать, что вепсское проникновение в Кенозерье было несколько более ранним, чем карельское. Вепсы использовали водные пути, шедшие из Пудожья и южного Обонежья, где присутствие вепсского этнического компонента считается доказанным.

Далее предложена нерасчлененная карельско-вепсская интерпретация ряда топонимов Кенозерья: будут рассмотрены материалы, не становившиеся предметом специального анализа в упомянутых выше работах, либо предложены иные версии, касающиеся происхождения топонимов и их этимологии.

Пельчаг – небольшой островок у северного конца о. Медвежий. Название явно входит в один ряд с наименованиями островов, а также небольших озер с основой *pel'* ‘край, бок, сторона’, известных на вепсской территории. В ряде случаев основа осложнена суффиксальными элементами -ч и -аг. С позиций данной интерпретации Пельчаг – *боковой остров*, расположенный *около* Медвежьего.

Чираки – островок напротив деревни Тарасова, ср. вепс. čirak ‘мель, грязда на озере’. Бытует в качестве названий небольших островков на вепсской и прилегающей к ней южнокарельской территории.

Майлахта – залив и названная по нему деревня. Авторы «Топонимики Кенозера» связывают топоним с прибалтийско-финским словом тая ‘избушка, шалаш’¹³, что, однако, не укладывается в систему карельских и вепсских типичных топооснов. Данное слово нехарактерно для карельской и вепсской топонимии. Скорее, следует исходить из карел. *taima*, вепс. *taim* ‘малек, мелкая рыба’, в котором могла произойти утрата конечного согласного на стыке двух структурных элементов сложного топонима. Возможно и сопоставление с карел. *tajava*, вепс. *tajag*, *taig* ‘бобер’, тоже с учетом утраты конца первого элемента сложного по структуре топонима. Обе названных семантических модели хорошо известны и карельской, и вепсской топонимии. По свидетельству информаторов бобры – не редкость в Кенозерье.

Тырнаволок – мыс и деревня на нем. Вряд ли следует связывать с финско-эстонским словом *taargna* ‘тростник’¹⁴, неизвестного восточным прибалтийско-финским языкам и отсутствующего в карело-вепсской топонимии. Некоторый ряд примеров, среди которых *Тырышкина*, урочище *Подкорыльское* в 3 км от деревни *Спициной*, за пределами Кенозерья руч.ей *Тырвас* (Богдановская волость, Красновское общество) и другие позволяют полагать, что в них звук *ы* возник на месте первоначального *e*, т. е. Тырнаволок восходит к **Тернаволок*, в котором в качестве первого элемента выступает, возможно, карел. *terva*, вепс. *terv* ‘смола’. На стыке двух элементов сложного топонима произошло закономерное опрощение возникшей группы согласных. Основа входит в число продуктивных, представлена многими примерами в топонимии Карелии, где обычно отмечает места, связанные со смолокурением. Переход *e* в *ы* свидетельствует о том, что источником топонима был, скорее всего, карельский язык, в котором гласный *e* по произношению является значительно более задним, чем в вепсском.

Тереш/Тереж/Чережишиний – ручей, впадающий в оз. Кенозеро с восточного

берега, между деревнями Матера и Майлахта; *Терижий/Терюжейко*, ручей в бассейне оз. Кумбасозеро; *Тережиха/Чережиха*, река, приток р. Порма. Во всех представленных топонимах отобразилась продуктивная карельская топооснова для наименования ручьев, небольших рек, выраженная I причастием актива: törisijä ‘ журчащий ’ от карельского глагола töristä ‘ журчать ’. Во всех случаях можно предположить, что основой для называния послужил именно шум воды. Следует отметить, что русский эквивалент названия ручья – *Гремячий/Шумячий* – известен в топонимии Кенозерья.

Лоббозеро/Ладбозеро – озеро в истоках ручья Тереж; *Лобдозеро/Ловдозеро* – озеро в истоках ручья Кукруней, что и подчеркивается в содержании названий: карел. ladva, вепс. ladv ‘вершина, исток’. Модель исключительно продуктивна в прибалтийско-финской топонимии в наименованиях верхних озер. Переход приб.-фин. *v* в рус. *b*, огубление *a* в *o*, а также метатеза (перестановка согласных звуков) – особенности русской адаптации прибалтийско-финских топонимов.

Масельга – гора на юг от деревни Зехново. Она разделяет воды, текущие, с одной стороны, в Ведягинскую лахту, с другой, в Спицынскую лахту. Название содержит в себе карельский географический термин *taaselgä* ‘водораздел’. То есть это не просто ‘земляная гора’, как интерпретирует топоним «Топонимика Кенозера»¹⁵, а более важный элемент рельефа местности – водораздел, пусть и имеющий местное значение. **Чулаки** – поляна на возвышенном месте у деревни Филипповская. Видимо, в основе некогда бытовавший в вепсском языке ландшафтный термин **čuhak ~ čuhlak* ‘холм, горка’.

Нисельга – покос деревни Тырышкина. Это очень распространенная в прибалтийско-финской топонимии модель для называния сельскохозяйственных угодий. Представлена сложным словом, второй элемент – географический термин *selgä* – кряж, возвышенность, холм, гора¹⁶, в первом же скрыто карельское *piiñi* или вепсское *píñ* ‘липа’. Как и в ряде других сложных по структуре топонимов, здесь на стыке двух структурных элементов произошло усечение первого элемента. Липа, как известно, растет на наиболее плодородных почвах, не случайно именно такие места становились сельскохозяйственными угодьями.

Кульяки, Куляки – поляна деревни Лахта, ср. карел. *kuľ'ja*, *kuľ'jakko* ‘овраг’.
Гульмяки, Под Гульмяками – поля деревни Горбачиха: первое – на возвышенном месте, второе – ниже, что видно из названия; **Гульминское**, болото у деревни Горбачиха. В основе карельский термин *jylmäkkö* ‘крутая гора, обрыв’. В топонимии русских районов Карелии он встречается неоднократно, при этом в адаптированном русскому употреблению виде Юлмаки, Гульмяки, Гулмаки. Картографирование модели показало, что она зародилась в северо-западном Приладожье и оттуда проникнула вместе с карельской экспансиией на север и восток (ил. 1). Есть основания утверждать, что модель относительно поздняя и маркирует карельское продвижение XVI–XVII веков¹⁷. Представленные топонимы в данном контексте свидетельствуют о карельской странице в истории Кенозерья этого исторического времени.

Вадеги/Вадежинское, болото у деревни Минина; **Вадеги**, покосы и урочище по берегам р. Чаженга. В основе представленных топонимов – ландшафтный термин *вадога/вадега*, бытующий в Восточном Обонежье и на смежных с ним территориях, с широким спектром значений, включая ‘покосы в низких, сырых местах около озер и речек, где растет главным образом осока; застраивающее лесом болото’¹⁸, а также ‘глубокое спокойное место между перекатами на реке; прямой участок русла реки, плес; проток, рукав реки; омут, яма в реке; топь на болоте; заливной луг’¹⁹. Привлечение данных картотек ИЯЛИ КарНЦ РАН и УрФУ, а также картографирование топонимического материала позволили реконструировать в основе кенозерских топонимов вепсский источник *vadag’ с семантикой ‘покос на болотистом месте’. Судя по ареалу бытования, он распространялся на исследуемую территорию из Восточного Обонежья, бывшего в прошлом вепсским языковым ареалом.

Венъжино, озеро между деревней Семенова и бывшей деревней Ведягина. В «Топонимике Кенозера» этимология данного топонима связывается с прозвищем Венъжа, Венъга, образованного от глагола венъгать ‘плакать; говорить невнятно, мямлить’ из фин. *vinkua*, карел. *vingua* ‘плакать’²⁰. Изогнутая форма озера позволяет предполагать в основе карельский географический термин *vengi*, *venki* ‘ручей или небольшая речка, соединяющая два озера (ламбы, болота); протока’, который в свою очередь, вероятно, связан с фин. *venki* ‘изгиб, поворот’²¹.

Куклахта, залив в южной части Кенозера у деревни Зехнова. Согласно описанию, большая часть залива мелководна, а глубокая, непересыхающая часть – у крутого обрыва, на котором стоит деревня²². В качестве этимологии авторы «Топонимики Кенозера» приводят приб.-фин. *kuk*, *kuko* ‘петух’²³, А. К. Матвеев в качестве альтернативы для приведенной выше версии предлагает приб.-фин. *kukka* ‘цветок’²⁴ – основу, практически не использующуюся в прибалтийско-финской топонимии. Исходя из ландшафтной характеристики, логичнее связать топоним с бытовавшим в вепсских говорах термином *kuk* ‘горка, холм’, имеющим соответствие в карельском в виде *kukkula*²⁵. Название ручья **Кукручей**, впадающего в **Куклахту**, вероятно, восходит к названию залива. В свою очередь, название горы **Куколь** у деревни Тарасова восходит к указанному выше карельскому источнику *kukkula*.

Гамозеро, озеро, **Гамручей**, ручей у деревни Минина: в качестве этимологии А. К. Матвеев приводит приб.-фин. *haamti*, *hoamti* ‘призрак, привидение’²⁶. Исследователь субстратной топонимии архангельского Поморья Н. В. Кабинина сопоставляет топонимы на Гам- с фин. *Häme*²⁷, называющим одну из финских провинций и ее население, часть которого, согласно историческим данным, в XVII веке переселялась вместе с карелами в Беломорье из попавшего под власть Швеции в 1617 году Карельского уезда²⁸. Согласно данной версии, топонимы с основой Гам- маркируют места расселения выходцев из области *Häme*. Д. В. Кузьмин отмечает, что не все названия с основой *Häme(h)-* имеют отэтнонимическое происхождение – часть из них может отражать также восприятие слабой освещенности географического объекта, о чем свидетельствуют данные с вепсской территории,

где информанты обращают внимание на затмленность некоторых мест, именуемых топонимами с данной основой, ср. приб.-фин. основу *hämä-*: *hämärä* ‘темный’, *hämy* ‘сумрак’, *hämäri* ‘потемки’²⁹.

Ижозеро, озеро у деревни Потеряева: автор «Субстратной топонимии Русского Севера» соотносит данный топоним с приб.-фин. *isä*, *ižä*, *iža* ‘отец’³⁰, Н. В. Кабинина вводит в этот ряд исаамскую лексему с тем же значением³¹. Однако если учитывать особенности усвоения прибалтийско-финского ларингального фрикатива *h* фонетической системой русского языка, то следует отметить, что в начале слова приб.-фин. *h* может пропадать (передаваться нулем звука) – многочисленные примеры фиксируются в Пудожье, ср. Иргора, Иручей: карел. *hirvi* ‘лось’; Ижгуба, Ижгора, Ижлахта, Ижнаволок, Ижозеро, Ижполе, Ижручей: **иж-** (< *hi* -): карел. *hiisi* (ср. рассмотренное выше название *Хийостров*) с первоначальным значением ‘священная роща, место поклонения предкам’, активно представленное в прибалтийско-финской топонимии³².

Кангозеро/Канкозеро/Канозеро, озеро у деревни Шлепина: в «Топонимике Кенозера» значение связывается с характером почвы: фин. *kangas* ‘пески’³³. Предложенная интерпретация требует уточнения: основное значение в прибалтийско-финских языках у лексемы *kangas* все-таки не ‘пески’, а ‘бор, боровой лес; лес на сухом месте, поросшем мхом, ягелем и стлаником, на покрытом вереском песчанике’³⁴. Н. В. Кабинина предлагает иную этимологию для аналогичных топонимов в Приморском районе Арх. обл.: саам. ин., колт. *gaŋgā* ‘шест’, карел. *kanki* ‘деревянный или (редко) железный шест, кол’, вепс. *kaŋg* ‘шест, кол’³⁵, которая кажется несколько искусственной, особенно с учетом того, что топооснова *kangas* ‘бор’ исключительно продуктивна в карельской и вепсской топонимии.

Римовская Лахта, залив на юго-западном берегу оз. Кенозеро. В топонимии Заонежья и Восточного Обонежья нередко встречаются топонимы с основой Рим-: *Rim*, *Римское*, *Римова*, *Римово*, *Римовский Креж* и др. Картографирование позволило выявить общую для этих топонимов закономерность – все они привязываются к болотистой местности (находятся на берегу, окружены болотом), что, в свою очередь, позволяет соотнести топооснову Рим- с карел. *riemte*, *riemtē* ‘болото, поросшее чахлым лесом; бурелом’³⁶.

Список прибалтийско-финских топонимов может быть расширен, особенно за счет наименований водных объектов. Он свидетельствует о значительном вкладе прибалтийско-финского населения в становление Кенозерья. При этом распределение между карело-вепсской и русской топонимией примерно такое же, как в Пудожье: первая преобладает в наименованиях наиболее значимых объектов ландшафта местности (реки, озера, ручьи, приметные возвышенности, обширные болота), вторая господствует в названиях т. н. культурных объектов – поселений, сельскохозяйственных угодий, которые характеризуются меньшей устойчивостью, большей изменчивостью. Они в целом более молодые, чем названия природных объектов и отражают русский период в истории Кенозерья. При этом стоит отметить, что и за

некоторыми на первый взгляд русскими названиями может стоять прибалтийско-финский оригинал. В качестве примера приведем горку *Петушки* в бывшей деревне Мамоново и *Петушину горку* в деревне Семеново. Почему появляется петух в названиях горок? Видимо, дело в том, что в вепсских говорах бытовал термин *kuk* ‘горка, холм’ (ср. рассмотренные выше *Куклахта*, *Кукруней*, *Куколь*), который со временем начал забываться (сейчас известен практически только в одном-двух вепсских говорах) и, в результате, был переосмыслен в целом ряде топонимов, соединившихся в народном языковом сознании с фонетически близким словом *kuk*, *kukoi* ‘петух’. На следующем этапе жизни топонима, когда происходило обрушение топонимической системы, он был переведен на русский язык. Подобным образом образованы многие «петушиные» названия в Обонежье.

В русской топонимии Кенозера интерес представляет, прежде всего, присутствие здесь моделей, с одной стороны – с новгородскими, с другой – с московскими корнями. Понятно, что поиск их затруднен в связи со значительной языковой нивелировкой, произошедшей на протяжении столетий в архангельских русских говорах. И все же определенные знаковые топонимные модели обнаруживаются. В качестве примера приведем название озер *Остричное* в окрестностях деревни Матера и *Острочиное* в бол. *Острочиний мох* за северо-восточными границами парка, в окрестностях дернви Кузьминка. Оба образованы от старого новгородского слова *остреч* или *острец* ‘окунь’. Картографирование модели свидетельствует о том, что она четко накладывается на пути новгородского продвижения на север по Свири, далее Онежское озеро, откуда путь продолжался на север к Белому морю или на восток по Водле с выходом в Кенозерье и дальше на восток (ил. 2). Наоборот, картографирование топонимов с основой залазь ‘высокая ель, у которой обрубаются ветви для приметы’³⁷ показывает, что их основной ареал расположен в Архангельской области, откуда модель проникла в восточную Карелию, не распространившись, однако, западнее (ил. 3). В Кенозерье и окрестностях известны руч. *Залазной* и оз. *Залазное* (Токша Кузнецова), *Залазное озеро* и *Залазной ручей* (Ряпусов., Важа). *Залазное озеро* в окрестностях Янгозера на волоке из Нетомы, *Залазной мыс* на оз. Волоцкое (д. Яблонь-Горка), *Залазной остров* на Кенозере (Шишкина), *Залазное озеро* и *Залазный мох* в бывшем Ундозерском погосте. Для того чтобы понять путь проникновения модели в Кенозерье, необходим дополнительный материал из-за восточных и южных пределов Кенозерья. Понятно, однако, что модель пришла не с запада, не с тем новгородским освоением, которое помечено топонимами с основой *острец*.

На основе того топонимического материала, который удалось собрать и проанализировать, можно констатировать, что территория Кенозерья, входя географически и по целому ряду историко-культурных параметров в Поонежье (бассейн р. Онега), в то же время тяготеет к восточному Обонежью (бассейн Онежского озера), с которым связано водно-волоковыми путями, проходившими через известные с глубокой древности Кенский, Кумбасозерский и Лекшмозерский

волоки, в разное время использовавшиеся различными группами прибалтийско-финского и русского населения. В формировании территории как историко-культурной и этноязыковой целостности принимало участие прибалтийско-финское население, проникавшее в Кенозерье из Обонежья, и русские потоки, шедшие как через Обонежье, так и с реки Онеги. По-видимому, эту особенность расположения Кенозерья как переходной зоны между Обонежьем и Поонежьем отразило и традиционное административное деление, в соответствие с которым западное (северо-западное) Кенозерье входило в состав Пудожского уезда, а восточное (юго-восточное) – в Каргопольский уезд Олонецкой губернии.

Примечания

- ¹Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2004. Ч. II. С. 157–165.
- ²Дерягин В.Я. Топонимика Кенозера: в 2 ч. Архангельск, 1987.
- ³Здесь и далее значение саамских слов см.: Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // MSFOU. 200. Helsinki, 1989; Itkonen T. I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. LSFU XV. 1958.
- ⁴Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- ⁵Дерягин В.Я. Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ по теме: «Топонимика Кенозера». Архангельск, 1987. Ч. I. С. 26.
- ⁶Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 252–253.
- ⁷Словарь карельского языка (ливвицкий диалект). Петрозаводск, 1990.
- ⁸Шилов А.Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология заволочской чуди // Вопросы языкоznания. 1997. № 6. С. 14–15.
- ⁹Хелимский Е.А. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 38–51.
- ¹⁰Там же. С. 47.
- ¹¹Здесь и далее значение карельских слов см.: Karjalan kielen sanakirja. I - V. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997; значение вепсских слов см.: Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- ¹²Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 29–30.
- ¹³Дерягин В.Я. Указ. соч. С. 24.
- ¹⁴Там же. С. 35.
- ¹⁵Дерягин В.Я. Указ. соч. Ч. II. С. 11.
- ¹⁶Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Указ. соч. С. 86.
- ¹⁷Подробно об этом см.: Муллонен И.И. Топонимия Заонежья. Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. С. 188–190.
- ¹⁸Словарь русских народных говоров. Л., 1969. Вып. 4.

- ¹⁹Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2002. Т. II.
- ²⁰Дерягин В.Я. Указ. соч. Ч. I. С. 42.
- ²¹Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Указ. соч. С. 100.
- ²²Дерягин В.Я. Указ. соч. С. 24.
- ²³Там же.
- ²⁴Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2004. Ч. II. С. 158.
- ²⁵Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Указ. соч. С. 45.
- ²⁶Матвеев А.К. Указ. соч. С. 161.
- ²⁷Кабинина Н.В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011. С. 261.
- ²⁸Бернштам Т.А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 56.
- ²⁹Кузьмин Д.В. К вопросу об освоении Беломорской Карелии западнофинским населением (по данным топонимии) // Вопросы ономастики. № 6. Екатеринбург, 2008. С. 56.
- ³⁰Матвеев А.К. Указ. соч. С. 161.
- ³¹Кабинина Н.В. Указ. соч. С. 217.
- ³²Koski M. Itämerensuomalaisten kielten hiisi-sanue. Semantinen tutkimus. Osa I. Turku, 1967.
- ³³Дерягин В.Я. Указ. соч. Ч. I. С. 43.
- ³⁴Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Указ. соч. С. 35.
- ³⁵Кабинина Н. В. Указ. соч. С. 242.
- ³⁶Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Указ. соч. С. 83.
- ³⁷Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I.

Иконы из Пахомиева Кенского монастыря: к атрибуции поздней записи

Иконы из Пахомиева Кенского монастыря, вывезенные и описанные сотрудникой Музея имени Андрея Рублева Л.М. Евсеевой, представляют интерес не только как драгоценные образцы древней иконописи, но и как важные произведения заонежской иконописи второй половины XIX века. На всех иконах хорошо сохранилась поздняя запись, то есть последний по времени нанесения красочный слой. Представляется наиболее вероятным, что эта запись была сделана в 1867–1868 годах во время перестройки главного иконостаса Преображенской церкви, построенной на месте упраздненного Пахомиева монастыря, из которого, как доказала Л.М. Евсеева, происходят данные памятники¹.

Согласно письменным документам, в храме в 1867 году на средства каргопольской купчихи И.Насоновой производился ремонт: с южной стороны был устроен придел во имя преподобного Пахомия Кенского и его постриженника Антония Сийского, а в следующем году ее же попечением был заменен главный иконостас².

По дошедшим до нас иконам, всего их сохранилось двенадцать, видно как работали мастера, украшавшие церковь по новому заказу. При описании произведений мы обращаемся только к самому последнему по времени исполнения красочному слою, то есть к записи. Наиболее полным является комплекс из шести образов пророков, которые составляли прореческий ряд иконостаса: «Пророк Моисей» (КП 632), «Пророк Малахия» (КП 633), «Пророк Илия» (КП 635), «Пророк Иеремия» (КП 636), «Пророк Фаддей» (так в надписи на иконе!) (КП 637), «Пророк Иона» (КП 638).

Второй по полноте группой можно считать иконы из деисусного чина, их сохранилось три: «Богоматерь» (КП 639), «Иоанн Богослов» (КП 631), «Аpostол Филипп» (КП 641). Остальные три произведения размещались в разных частях иконостаса. «Преображение» (КП 634), по мнению Л.М. Евсеевой, являлось храмовым образом и находилось в местном ряду. Двухрядная икона «Спас в силах. Преполовение. Христос и самарянка» (КП 642) отличается от икон описанного деисусного чина композиционным решением: в верхней ее части помещены изображения праздников, в нижней – Спасителя, и размером: она выше их на 30 см. Возможно, икона входила в состав другого иконостаса, в приделе храма. Икона «Святой Исаак» (КП 640) близка к двухрядной по размеру, но имеет другой характер записи и состояние красочной поверхности.

Представляет интерес сам способ работы мастеров 1868 года с уже имеющимися в храме иконописными образами. Иконописцы не поновляли, как это часто бывало,

<i>Мелютина М.Н.</i> Сокровенные образы Кенозерья (на примере ДуминоДолгозерского ландшафтного комплекса)	128
<i>Муллонен И.И., Захарова Е.В.</i> Многослойная топонимия Кенозерья	152
<i>Нечаева Т.Н.</i> Иконы из Пахомиева Кенского монастыря: к атрибуции поздней записи	163
<i>Седова Г.Е.</i> Книжные памятники Кенозерского национального парка	168
<i>Смагин В.А., Денисенков В.П.</i> Генезис и динамика растительности минеротрофных грядово-мочажинных болот Кенозерского национального парка	173
<i>Смирнов Ю.И.</i> Тяга Земная	182
<i>Смирнова М.А.</i> Научная библиография о Кенозерье: достижения, проблемы и перспективы	194
<i>Тарасенко Л.П.</i> К истории почитания преподобного Макария Унженского и Желтоводского в XVI – первых десятилетиях XVII века	200
<i>Тормосов Д.В.</i> Водораздельный ландшафт как историко-географическая составляющая территории Каргополья	215
<i>Торхов С.В.</i> Леса и лесоустройство Кенозерского национального парка ...	227
<i>Фофанова В.В.</i> Очерки по истории духовенства Почезерского прихода Пудожского уезда Олонецкой губернии	233
Деревянное зодчество Русского Севера: прошлое и настоящее.....	241
<i>Вольфсон Л.И., Юхименко Е.М.</i> Редкая житийная икона Артемия Веркольского из частного собрания	242
<i>Киришина О.Н.</i> Проблемы сохранения памятников деревянного зодчества на примере Архитектурно-этнографического музея Вологодской области ...	254
<i>Лаптева Г.Я.</i> Памятники деревянного зодчества в правовом поле и реальном контексте	259
<i>Мильчик М.И.</i> Общий взгляд на домовые росписи Поволжья	267
<i>Севан О.Г.</i> Народная архитектура как основа для современного деревянного строительства в России	273
<i>Шургин И.Н.</i> Древнейшие памятники русского деревянного зодчества: современное состояние и первоначальный облик	279

Ресурсы развития территорий. Российский и зарубежный опыт....	289
<i>Гудима Т.М.</i> Кенозерье как земля реализации творческого потенциала человека	290
<i>Котикова Л.С.</i> Историко-культурное наследие Куликова поля как ресурс развития территории (из опыта Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле»)	297
<i>Кулешова М.Е.</i> Методический инструментарий Европейской ландшафтной конвенции применительно к наследию Кенозерья	306
<i>Нордерхауг А., Михельсон А.</i> Овцы, шерсть и ландшафты Кенозерья	318
<i>Репицкая Е.Г.</i> ТОС: от пассивности и разобщенности к гражданскому обществу	323
<i>Синяговский С.А.</i> Экомузей Кенозера (к проблеме сохранения культурных ландшафтов Кенозерского национального парка)	326
<i>Старицына Г.В.</i> ТОС как один из ресурсов развития территории	331
<i>Шухов В.Ф.</i> Заповедные туристические территории – дальнейшие пути развития (на примере города Мышкин Ярославской области)	333
Сведения об авторах	342
Иллюстрации	346